СЕЛЬСКІЙ ЛИСТОКЪ.

№ 2. 1861.

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

ЦѢНА ЗА 24 ЛИСТА ОДИНЪ РУБЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ: что такое законы и почему их нужно исполнять свято. — О молотильныхъ машинахъ. — Нѣсколько словъ объ обыкновеніи обсаживать дома березками въ Троицынъ день.

ЧТО ТАКОЕ ЗАКОНЫ И ПОЧЕМУ ИХЪ НУЖНО ИСПОЛНЯТЬ СВЯТО.

I.

Всѣ люди, по образу ихъ жизни, то есть по тому, какъ они устроиваютъ свое житье-бытье, раздѣляются на образованныхъ и не образованныхъ. Образованные люди живутъ въ государствахъ благоустроенныхъ и повинуются властямъ и законамъ. Законы эти указываютъ какъ именно каждый человѣкъ долженъ поступать, чтобы въ государствѣ, въ которомъ онъ живетъ, существовалъ порядокъ. Безъ порядка, какъ извѣстно, ни какого дѣла дѣлать нельзя; стало быть тамъ, гдѣ нѣтъ законовъ, людямъ плохое житье, — всякій дѣлаетъ, что ему вздумается: вздумалось у кого что отнять—отыметъ, и просить некого; захотѣлось кого обидѣть—обидитъ, опять ничего не возмешь.

Не смотря на то, что безъ законовъ людямъ жить не хорошо,—нѣкоторые до сихъ поръ не имѣютъ ихъ и живутъ такъ, какъ имъ вздумается; такихъ людей называютъ людьми не образованными, или дикарями, и жизнь ихъ нисколько не лучше жизни звѣрей: они также скитаются и постоянно находятся между собой во враждѣ. О нихъ нечего и говорить. Посмотримъ, какъ-то мы, образованные, устроиваемъ свое житье-бытье, и такъ ли понимаемъ законы, какъ бы слѣдовало ихъ понимать.

Мы часто смотримъ на самые законныя требованія съ какимъ-то неудовольствіемъ и требованія эти считаемъ излишними, а потому почти всегда стараемся уклониться отъ исполненія ихъ или проволочкою времени, или какими нибудь средствами болѣе не позволительными, какъ, напримѣръ, подкупомъ или обманомъ, нисколько не разсуждая о томъ, что, поступая такимъ образомъ, мы вредимъ сами себѣ, потому что законныя требованія всегда для нашей же пользы. Возьмемъ для примѣра торговлю. Для всякой торговли по закону слѣдуетъ взять свидѣтельство. Это дѣлается, во-первыхъ, для того, чтобы начальство знало, кто чѣмъ занимается, а во-вто-

рыхъ, для того, чтобы, имѣя въ виду отъ торговли пользу собственно для себя, торговецъ удѣлялъ бы сколько нибудь и въ пользу общества; по этому за свидѣтельство, которое выдается на право торговли, берутъ ежегодно нѣсколько рублей, смотря по тому, какою торговлею хотятъ заниматься, и деньги эти поступаютъ въ общественный доходъ.

Ну, кажется, чего лучше и можно ли для этого не удѣлить нѣсколько рублей въ годъ. Не смотря на это, полиція часто задерживаетъ людей, которые торгуютъ безъ свидѣтельства, и это дѣлаютъ единственно для того, чтобы не заплатить лишній рубль, который слѣдуетъ за законное свидѣтельство.

Теперь, посмотримъ: выгодалъ ли на самомъ дѣлѣ торговецъ, которому какимъ бы то ни было образомъ удалось на нѣсколько времени уклониться отъ законныхъ требованій. Выходитъ, что онъ гораздо больше прогадалъ, нежели выгодалъ. Рано или поздно съ него законное взыщется, потому что если заведенъ какой нибудь порядокъ общій, то порядокъ этотъ долженъ распространяться на всѣхъ одинаково,—иначе другимъ будетъ обидно; слѣдовательно, нельзя надѣяться, чтобы на того, кто вздумалъ бы отступать отъ порядка, другіе будутъ смотрѣть сквозь пальцы; напротивъ, въ этомъ случаѣ обязанъ каждый содѣйствовать и открывать безпорядки, для своей и общей пользы. И такъ, неразумнаго торговца постарается уличить въ незаконной торговлѣ свой же братъ и такимъ образомъ заставитъ заплатить должное, да еще со штрафомъ. Такъ вотъ онѣ, выгоды-то, какія отъ неисполненія того, что слѣдуетъ. А то еще бываетъ: другой за неправое дѣло обѣщаетъ и даетъ деньги, чтобъ только дѣло это кончили въ его пользу. Повидимому, кажется, такія продѣлки очень выгодны; положимъ у меня съ кѣмъ нибудь тяжба, хотя, напримѣръ, за наслѣдство послѣ умершаго родственника. По закону, наслѣдство это слѣдуетъ получить другому, а не мнѣ; между тѣмъ я подкупаю кого нужно, плачу ему деньги и плачу, разумѣется, гораздо меньше, нежели сколько стоитъ наслѣдство,—и наслѣдство отдаютъ мнѣ, то есть дѣло рѣшаютъ въ мою пользу незаконно. Съ перваго раза кажется, что это очень прибыльно: заплатить сто рублей и получить на триста, а если разобрать эту прибыль хорошенько, то окажется, что она за собой несетъ большіе убытки, да еще не одному тому, кто незаконно получитъ наслѣдство, а всему обществу, въ которомъ онъ живетъ. Это, во-первыхъ, по тому, что присвоивать себѣ чужую собственность, не имѣя на то никакого права,—все равно, что украсть; во-вторыхъ, соблазняя человѣка деньгами, подкупая его на безчестное дѣло и требуя, чтобы для насъ онъ отступилъ отъ закона, мы сами пріучаемъ людей къ взяточничеству, отъ котораго послѣ плачемъ. „Что это, говоримъ, у насъ за чиновники, —безъ денегъ ничего не хотятъ дѣлать.“ А кто этому виноватъ? все-таки же мы, потому что требуемъ отъ чиновника, чтобы онъ соблюдалъ только нашу пользу, а законно ли это требованіе, или незаконно, намъ до этого и горя мало. Въ такомъ случаѣ можно ли быть увѣрену, что домъ, земля или лошадь, которыя сегодня

принадлежатъ одному, будутъ его и завтра. Нѣтъ, когда въ обществѣ вкоренилось взяточничество и всякое дѣло за деньги можно повернуть въ свою пользу, то нельзя поручиться, что завтра сосѣдъ не оттягаетъ у сосѣда и домъ, и землю, и лошадь. Послѣ этого какой же можетъ быть порядокъ и какая прибыль намъ отъ того, что мы платимъ деньги и подкупаемъ людей, чтобы они рѣшали дѣла не по закону, а такъ какъ намъ хочется.

Теперь спрашивается, почему же мы поступаемъ такъ дурно во вредъ себѣ и ближнему? А поступаемъ мы такъ по тому, что не знаемъ, что такое законъ и для чего онъ существуетъ. Мы все думаемъ, что законы должны знать только чиновники, а намъ до нихъ и надобности нѣтъ. Но это не правда: законы должны быть извѣстны каждому; незнаніемъ закона отговариваться ни кто не имѣетъ права. Это говорится даже въ самыхъ законахъ. Передъ судомъ отвѣчаютъ одинаково какъ человѣкъ грамотный, такъ и неграмотный, какъ ученый, такъ и неученый, какъ купецъ, такъ и крестьянинъ: судья ни у кого изъ нихъ не спрашиваетъ—знаютъ ли они законы или нѣтъ. Законы должны быть извѣстны всѣмъ. Да и какъ же можно ихъ не знать? Что такое законы? —Законы суть правила, которыми охраняется наша собственность и наша личная безопасность, т. е. если бы не было законовъ, то все, что мы имѣемъ, всякій могъ бы у насъ отнять безнаказанно, и мы не нашли бы защиты. Кромѣ того, правила эти или законы указываютъ намъ наши обязанности въ отношеніи другъ къ другу и потомъ въ отношеніи къ обществу, въ которомъ мы живемъ. Послѣ этого развѣ можно не знать законовъ, не знать того, что мы должны дѣлать, какъ должны жить. Это все равно, если бы у какого нибудь купца на фабрикѣ мастеровые не знали, что имъ нужно дѣлать, или въ деревнѣ крестьяне, вмѣсто того, чтобы работать, стали бы спорить, кому какую полосу пахать. Хорошъ былъ бы порядокъ? Разумѣется, купецъ остался бы безъ товара, а крестьянинъ—безъ хлѣба. Точно также и благосостояніе всякаго государства только тогда можетъ быть, когда въ немъ каждый знаетъ, какъ ему слѣдуетъ поступать или, другими словами, знаетъ законы, которые для общества все равно, что душа для тѣла. Когда въ человѣкѣ нѣтъ души, тогда онъ уже не человѣкъ, а трупъ; точно также и государство: когда въ немъ перестаютъ дѣйствовать законы, то оно превращается въ общество безпорядочное.

Законы для государства не могутъ быть написаны вдругъ, одновременно; они являются вслѣдствіе потребности общества, и, по мѣрѣ его развитія, нѣкоторые изъ нихъ измѣняются или отмѣняются вовсе. Первоначально появляются они въ обществѣ весьма естественно: какъ скоро люди уразумѣли, что для спокойствія своего имъ нуженъ порядокъ, то тотчасъ же начали замѣчать всѣ случаи, отъ которыхъ происходитъ споръ или какое нибудь недоразумѣніе, и, по рѣшеніи спора, записывали: чѣмъ этотъ споръ они окончили, чтобъ послѣ, когда въ другой разъ встрѣтится такое же дѣло, не рѣшать его иначе и тѣмъ самымъ предостеречь

судью отъ лицепріятія къ просителю, а просителя отъ пристрастія судьи. Такимъ образомъ безчисленное множество различныхъ рѣшеній, одобренныхъ большинствомъ людей, приняли за правила и назвали законами, которыми всѣ должны руководствоваться и которыя исполнять свято; иначе виновный въ нарушеніи подвергается наказанію.

Къ сожалѣнію, не многіе изъ насъ исполняютъ законъ изъ любви къ правдѣ, которая написана въ немъ. Большая часть исполняютъ его только ради страха наказанія; отъ этого мы много теряемъ, потому что какъ бы не было строго наказаніе за нарушеніе закона; но если нѣтъ въ человѣкѣ собственнаго, такъ сказать, добровольнаго сознанія, что закона нарушать не слѣдуетъ, то онъ все-таки его нарушитъ или изъ самолюбія, или изъ корысти, и вслѣдствіе этого нарушенія или ослушанія неминуемо происходятъ безпорядки. Впрочемъ, наказаніе за нарушеніе закона во всякомъ случаѣ уменьшаетъ, по возможности, зло и отчасти удерживаетъ людей отъ дурныхъ поступковъ.

О молотильныхъ машинахъ.

Молотьба, какъ извѣстно, служитъ для отдѣленія зерна отъ мякины и соломы и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ работъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Каждый хозяинъ долженъ стараться получить при умолотѣ, по возможности, зерна сполна и при томъ съ возможно меньшею тратою времени, безъ большаго труда и съ самыми малыми издержками. Достигнуть этой цѣли можно различными способами; вотъ важнѣйшіе изъ нихъ.

Въ прежнія времена обмолачивали хлѣбъ животными, заставляя ихъ бѣгать по разостланнымъ на землѣ снопамъ. Этотъ способъ молотьбы хлѣба сохранился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще и понынѣ; но преимущественно имъ пользуются для обмолачиванія масличныхъ растеній, овса и гороха. Обыкновенно полагаютъ, что съ помощію четырехъ воловъ или лошадей и трехъ работниковъ можно такимъ образомъ обмолотить въ теченіе одного дня около ста пятидесяти сноповъ средней вязи. Главный недостатокъ этого способа состоитъ въ томъ, что въ зерна и солому попадаютъ во время молотьбы калъ и моча животныхъ. Кромѣ того для успѣшной работы необходимо, чтобы животныя были хорошо пріучены къ этому дѣлу, потому что иначе можно попортить много хлѣба.

Другой способъ, также извѣстный съ самыхъ давнихъ временъ, состоитъ въ употребленіи деревянныхъ или каменныхъ катковъ. Деревянные катки, служащіе для этой цѣли, бываютъ или гладкіе, или же усаженные четырехгранными деревянными же кулаками. Такіе катки очень часто можно встрѣтить въ хозяйствахъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ въ Курляндской губерніи. Молотьба катками производится всегда на открытомъ мѣстѣ, при чемъ снопы ставятъ на току стоймя, какъ можно плотнѣе одинъ къ другому. Потомъ, развязавъ ихъ, проводятъ по нимъ лошадь, для того чтобы сдавить ихъ; это необходимо въ особенности, если солома очень высока. Когда

все готово, лошадь запрягаютъ въ катокъ и возятъ его по хлѣбу, до тѣхъ поръ, пока снопы не будутъ сдавлены совершенно гладко, перетрушиваютъ потомъ ихъ вилами и снова ѣздятъ по хлѣбу до тѣхъ поръ, пока зерно не вымолотится совершенно чисто. Находящіяся при работѣ женщины или мальчики, числомъ отъ шести до восьми, подносятъ снопы къ току и убираютъ солому послѣ обмолота, зерно же сгребаютъ въ ворохъ по срединѣ настилки. Такимъ способомъ можно намолотить въ день по 35 четвериковъ зерна озимаго хлѣба и около 45 четвериковъ и болѣе яроваго. Способъ этотъ простъ и дешевъ, а потому желательно, чтобы онъ вошелъ въ употребленіе и въ другихъ мѣстахъ; особенно пригоденъ онъ для молотьбы масличныхъ растеній. Другая выгода его состоитъ въ томъ, что молотьба можетъ быть производима подлѣ хлѣбныхъ нивъ. Но за то съ другой стороны хозяинъ долженъ сообразоваться съ состояніемъ погоды. При молотьбѣ катками солома портится менѣе, чѣмъ при молотьбѣ скотомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ степныхъ губерній, вмѣсто катковъ, употребляютъ также конные или воловые возы, поступая при томъ точно также, какъ и при молотьбѣ катками.

Обыкновеннѣйшій способъ есть молотьба цѣпами. Главный недостатокъ его состоитъ въ томъ, что онъ требуетъ много времени, вслѣдствіе чего эта работа обходится дороже, чѣмъ молотьба катками или животными; кромѣ того она очень утомляетъ работника и бываетъ причиною разстройства здоровья. Но такъ какъ молотьба цѣпами вошла въ употребленіе уже съ давнихъ временъ и производится обыкновенно въ ту пору, когда у земледѣльца мало другихъ спѣшныхъ работъ, то не удивительно, что большинство хозяевъ до сихъ поръ упорно придерживаются ея. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы этотъ способъ молотьбы не имѣлъ и нѣкоторыхъ достоинствъ; такъ, напримѣръ, молотить цѣпами можно даже въ самыхъ тѣсныхъ мѣстахъ, хлѣбъ выходитъ очень чистый и молотильщикъ, наконецъ, можетъ, при надлежащемъ стараніи, обмолотить снопы до послѣдняго почти зерна. Но если сообразить сколько тѣлесной силы и крѣпости здоровья необходимо имѣть работнику для того, чтобы въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ молотить почти ежедневно тяжелымъ цѣпомъ и какъ дорого обходится хозяину наемъ молотильщиковъ, если припомнить, наконецъ, какъ рѣдко обмолачиваютъ они хлѣбъ до чиста, то нельзя не пожелать, чтобы этотъ трудный и дорогой способъ былъ замѣненъ вскорѣ другимъ, болѣе легкимъ и дешевымъ.

Достигнуть этого можно введеніемъ молотильныхъ машинъ. Не станемъ здѣсь разбирать, которая изъ множества извѣстныхъ нынѣ молотилокъ заслуживаетъ предпочтенія и не будемъ также описывать устройство и употребленіе такой машины, но укажемъ только вкратцѣ на тѣ выгоды, которыя онѣ доставляютъ, и постараемся опровергнуть возраженія, дѣлаемыя противъ молотильныхъ машинъ приверженцами старыхъ способовъ молотьбы.

Первая и главная выгода, доставляемая молотильною машиною, заключается въ томъ, что она обмолачиваетъ хлѣбъ гораздо чище и лучше,

чѣмъ цѣпы, и самая работа обходится дешевле. При молотьбѣ на хорошей машинѣ получается большее количество зерна, нежели при ручной работѣ. Къ тому же и самыя зерна перебиваются машиною менѣе, если только всѣ ея дѣйствующія части установлены правильно. Стоитъ только посмотрѣть на нашихъ домашнихъ птицъ, роющихся въ соломѣ, обмолоченной хорошею машиною, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ ней почти не остается зеренъ. Куры, гуси, индѣйки ходятъ по такой соломѣ, какъ по связкѣ сухаго хвороста, и, порывшись въ ней нѣсколько времени, отходятъ печально прочь, видимо не довольныя тѣмъ, что не нашли для себя никакой поживы. Кромѣ того, при машинной молотьбѣ не разбиваются зерна, пораженныя головнею; слѣдовательно, пыль головни не разносится съ мѣста на мѣсто и не пристаетъ къ здоровымъ зернамъ.

Второе преимущество машинной молотьбы передъ ручною состоитъ въ томъ, что работа идетъ гораздо скорѣе, слѣдовательно, молотильная машина сберегаетъ время, а время для промышленнаго человѣка должно быть такъ же дорого, какъ и деньги. При молотьбѣ машиною, мелкій хозяинъ можетъ управиться съ своимъ хлѣбомъ въ продолженіе не многихъ дней и въ состояніи потомъ употребить выигранное время на другія работы, которыя дадутъ ему возможность улучшить хозяйство и увеличить получаемые съ него доходы. Какъ желательно было бы такое сбереженіе времени, въ особенности осенью, когда, по причинѣ множества работъ на поляхъ, земледѣлецъ не поспѣваетъ намолотить даже посѣвныхъ сѣмянъ и, по недостатку ихъ, вынужденъ или производить озимые посѣвы слишкомъ поздно, или же довольствоваться плохими и нечистыми сѣменами, отъ которыхъ можно ожидать лишь плохаго, скуднаго урожая. Наконецъ, при машинной молотьбѣ земледѣлецъ можетъ легко обмолотить свой хлѣбъ вскорѣ послѣ жатвы и продать его съ большею для себя выгодою, потому что въ эту пору цѣны на хлѣбъ стоятъ обыкновенно высокія, вслѣдствіе истощенія прошлогоднихъ запасовъ.

Сколько разныхъ непріятностей и споровъ, такъ часто случающихся между хозяиномъ и работниками при ручной работѣ, устраняются машинною молотьбою? Машина не лѣнится, не говоритъ грубостей, не обманываетъ своего хозяина, какъ это дѣлаетъ большая часть наемныхъ работниковъ, за которыми нужно постоянные наблюденіе и надзоръ. Хозяину извѣстно, сколько можетъ сработать его машина въ продолженіе извѣстнаго времени; она дѣйствуетъ постоянно одинаково, не уставая, какъ человѣкъ, и требуетъ за собою меньшаго надзора, чѣмъ работникъ.

Наконецъ, машинная молотьба можетъ быть производима во всякое время года, не смотря ни на какую погоду, тогда какъ молотьба животными или катками возможна только въ хорошую погоду.

Посмотримъ теперь, что говорятъ противники молотильныхъ машинъ.

Они утверждаютъ, что при машинной молотьбѣ солома выходитъ перебитою и помятою, а потому негодится для крытія кровель, витья

веревокъ, приготовленія соломенныхъ щитовъ для парниковъ и тому подобнаго хозяйственнаго употребленія. Это, дѣйствительно, справедливо; но за то такая солома еще пригоднѣе для употребленія на подстилку и для корма скоту, потому что она мягче и, слѣдовательно, легче переваривается въ желудкѣ животныхъ. Для крытія же кровель и другаго употребленія, гдѣ необходимо, чтобы солома была цѣльная, не помятая, можно всегда обмолотить потребное количество хлѣба цѣпами. Впрочемъ, хорошія молотильныя машины мало перебиваютъ соломенные стебли, въ особенности, если передъ молотьбою снопы смочить слегка водою, начиная съ нижняго конца до колосьевъ, которые должны оставаться сухими, и дать имъ потомъ постоять въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, колосьями вверхъ, для того, чтобы вода могла ровнѣе разойтись по стеблямъ снопа.

Другой важный недостатокъ молотильныхъ машинъ, дѣйствительно много препятствующій ихъ всеобщему распространенію, состоитъ въ дорогой ихъ цѣнѣ, дѣлающей покупку ихъ невозможною для небогатаго хозяина. Но развѣ нѣсколько такихъ небогатыхъ хозяевъ или даже цѣлое сельское общество не могутъ сложиться и пріобрѣсти подобную машину на общія деньги? Разсчитать, сколько пришлось бы внести каждому изъ хозяевъ, сообразно величинѣ его полей и ежегодныхъ посѣвовъ, было бы, кажется, вовсе не трудно. Также легко было бы назначить порядокъ и очередь для употребленія машины каждымъ изъ вкладчиковъ. Такъ какъ нынѣ большая часть молотильныхъ машинъ устроиваются такимъ образомъ, что ихъ можно безъ труда переносить съ одного мѣста на другое, то такою общественною машиною могъ бы легко пользоваться каждый изъ хозяевъ въ селеніи. Недавно былъ примѣръ, что крестьяне одной деревни въ Лифляндіи выписали на общій счетъ машину для обработки льна и пользуются теперь ею съобща. Почему же бы не послѣдовать этому похвальному примѣру и нашимъ крестьянамъ-хозяевамъ въ отношеніи молотильной машины?

Наконецъ, противники введенія молотильныхъ машинъ говорятъ, что онѣ отнимаютъ у большаго числа рабочихъ вѣрный хлѣбъ и средства заработать деньги, именно въ то время, когда большая часть прочихъ работъ пріостанавливается, и такимъ образомъ могутъ возбудить въ бѣднѣмъ населенія неудовольствіе. Но подобныя опасенія совершенно не основательны. Развѣ не думали прежде, что вслѣдствіе распространенія паровыхъ машинъ, которыя мы встрѣчаемъ теперь въ каждой сколько нибудь значительной фабрикѣ, лишатся хлѣба сотни рабочихъ? А между тѣмъ это предсказаніе не сбылось, сдѣлавшіеся ненужными работники принялись за другія занятія и многіе изъ нихъ даже улучшили при этомъ свое положеніе. Тоже самое было бы и съ тѣми, которымъ приходится въ настоящее время молотить хлѣбъ цѣпами въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. У кого есть охота трудиться, тотъ всегда найдетъ себѣ работу и, можетъ быть, будетъ въ состояніи заработывать на ней большую плату, чѣмъ при молотьбѣ. Разумный хозяинъ съумѣетъ употребить свободныхъ работниковъ на улучшеніе полей и

луговъ, которые во многихъ мѣстахъ находятся въ плохомъ состояніи. Многіе и теперь охотно принялись бы за нихъ, но не имѣютъ свободнаго времени, потому что заняты молотьбою. Когда же эта работа будетъ производиться машиною, тогда у хозяина будутъ не только свободные дни, но и цѣлыя недѣли, которыя ему можно будетъ посвятить на различныя улучшенія въ хозяйствѣ. Молотильная машина увеличитъ доходъ, получаемый съ имѣнія, возвыситъ его цѣну и дастъ всѣмъ средство съ большею выгодою употребить свой трудъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ОБЫКНОВЕНІИ ОБСАЖИВАТЬ ДОМА БЕРЕЗКАМИ ВЪ ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

—

Я живу постоянно въ городѣ; но мнѣ удалось нынѣшній годъ въ первый разъ провести Троицынъ день въ деревнѣ. Я давно зналъ, что у насъ, въ Россіи, существуетъ обыкновеніе обсаживать въ этотъ день дома березками и даже вносить ихъ въ самыя жилища, но я думалъ, что весь этотъ обычай ограничивается какими нибудь двумя, тремя деревцами. Каково же было мое удивленіе, когда я увидалъ, что ихъ въ дѣйствительности привозится по 25 и 30 штукъ ко всякому дому. Что это такое? къ чему все это ведетъ? Возьмемъ для примѣра деревню, село, сельцо или что хотите, заключающее въ себѣ 100 домовъ. Если хозяинъ каждаго двора вырубаетъ въ Троицу 25 березокъ, то это составитъ 2,500 березокъ въ годъ или цѣлую десятину лѣса. До какой же огромной цифры доходитъ количество березокъ, уничтожаемыхъ ежегодно въ этотъ день во всей Россіи?

Если же этотъ обычай такъ свято соблюдается у насъ, то не лучше ли, вмѣсто того, чтобы вырубать безпощадно молоденькія деревца, высаживать ихъ съ кореньями и обсаживать ими дома; при этомъ мы получимъ три неоспоримыхъ выгоды: 1-е, уничтожится безполезное вырубливаніе березокъ и тѣмъ сохранится огромное количество лѣса, 2-е, въ случаѣ пожара разросшіяся березы будутъ сильно противиться дѣйствію огня и 3-е, онѣ будутъ защищать лѣтомъ дома отъ солнечныхъ лучей, а обитателей ихъ отъ несноснаго жара.

Многіе, можетъ быть, и скажутъ, что деревья разростутся и будутъ заслонять окно, и что въ избахъ не будетъ свѣта. Но кто же мѣшаетъ вырубать ихъ черезъ 10 или 12 лѣтъ (до этого срока они не могутъ такъ сильно вырости, чтобы мѣшать свѣту проходить въ дома) и замѣнять ихъ молоденькими. Старыя все-таки будутъ годиться хоть на дрова. Вѣдь это лучше, чѣмъ погибнуть, безъ корня чрезъ день послѣ Троицы.

А. А. Налетовъ.

1860 г.
С. Волковойно.

Печатать позволяется. С. Петербургъ. Января 25 дня 1861 года. Цензоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.